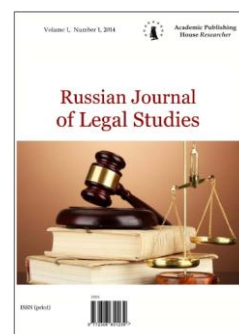

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-627X
Vol. 1, No. 1, pp. 8-15, 2014

DOI: 10.13187/issn.2409-627X
www.ejournal25.com

UDC 34

Social Deviations in Everyday Culture of 1920s in the South of Russia: Historic-Legal Aspect

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation
354000 Krasnodar Krai, Sochi city, Sovetskaya Str., 26 a
PhD, Associate Professor
E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract

Everyday culture of different social layers of the society has always been a matter of scientific research during revolutionary transformations. Yet, when traditional cultural paradigms are met together with ideological ideas of revolutionary programs, it leads to a growth of deviant behavior in the society. Historic-legal retrospective allows on the example of 1920s to trace the issues of social behavior development in the peasant community, where the factor of preserving traditional values was very strong.

Keywords: social deviation; delinquent behavior; daily routine; traditional culture; alcoholism; crime.

Введение

Неорганическая модернизация 1920-х годов – это реформирование неповоротливой системы социальных отношений аграрного традиционного российского общества в соответствии с идеологическими установками классовой борьбы в период диктатуры пролетариата и трудящегося крестьянства. Такая задача требовала от советской власти быстрыми темпами трансформировать российское общество, в котором большинство составляло крестьянство. Такая кардинальная деформация привела к радикальным изменениям не только правового и общественно-политического пространства, но и к слому культурного традиционного образа жизни крестьян, распространению разного рода социальных девиаций, – от преступности до алкоголизма, изменению морально-нравственного облика человека. Поэтому предметом научного исследования стало распространение элементов делинкветного поведения в области деревенского досуга на Дону, Кубани и Ставрополье в эпоху нэпа, как социальные девиации.

Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили, прежде всего, архивные материалы, сборники опубликованных документов, [1] а также периодика 1920-х гг. Работа опирается на документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), Государственного архива

Ростовской области (ГА РО). Среди использованных нами периодических изданий следует отметить весьма информативные журналы «Коммунистическое просвещение», «Красная нива», «Крестьянка», «Новая деревня», «Северо-Кавказский край», газеты «Безбожник», «Молодой ленинец», «Молот», «Крестьянская газета», и др. Анализ перечисленных источников позволил получить информацию для историографического анализа предмета исследования и на ее основе увидеть роль историков-регионоведов в изучении модернизации традиционной культуры южно-российского крестьянства 1920-х годов.

Методологической основой работы послужил метод исторического сравнения вклада историков, изучающих традиционную народную культуру, повседневность, ее значение в создании исторической картины.

Обсуждение

Алкоголь – это традиционный элемент праздного времяпрепровождения и социальный антидепрессант крестьянской праздничной культуры. Член Президиума ЦКК А.А. Сольц на собрании юнкоров газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г. подчеркивал: «стремление пить у людей появляется от скучной жизни. Алкоголь делает жизнь легче. Отсюда стремление – выпить и забыться». [1] Или, скажем, пьянство рабочих, – английских, германских, российских и т.д., – в значительной мере было обусловлено именно тем, что «их организм, ослабленный продолжительной работой, скудным питанием и спертым воздухом на фабрике, чувствовал потребность в каком-то возбуждающем средстве. Водка не только возбуждала, но и была источником веселья – ведь других развлечений у них не было. Кроме того, водка заглушала сознание горькой нужды, давала забвение тяжелой жизни и подавляла страх за завтрашний день, когда по капризу хозяина их могли выбросить на улицу» [2].

Крестьяне, вне зависимости от конкретной исторической эпохи и от того, в каких государствах они жили и к каким народам принадлежали, также рассматривали алкоголь в качестве одного из самых эффективных средств, позволяющих отдохнуть от повседневных забот. Данная парадигма подтверждается исследованиями Р.Я. Райт-Ковалевой: «закончив дела, народ собирался в таверне, неподалеку от церкви, выпить кружку эля, поговорить – словом, провести время, как испокон веков проводят его во всех концах земли в харчевнях, салунах, трактирах и тратториях степенные сельские хозяева, люди солидные, неразговорчивые, неторопливые... Медленно раскуриваются трубки, медленно, смотря по погоде, разматываются теплые шарфы или расстегиваются тесные воротники рубах, не спеша тянут тяжелые крупные губы пиво, эль или другую не слишком хмельную влагу, не спеша вынимаются из кошельков пенсы, пятаки или песеты. Человек поработал, человеку надо отдохнуть» [3].

Российское крестьянство следовало таким же поведенческим стереотипам социальных групп зарубежья в том, что алкоголь представляет собой весьма неплохое дополнение к празднику и досугу: «какой хороший хозяин в погоду поле оставит? Какой добрый человек в праздник от чарки откажется?» [4]. В досоветский период жители российской деревни пили регулярно и не ограничивали себя в средствах на алкоголь, раз уж последний рассматривался как неперемное условие праздника. Статистические исследования подтверждают, что крестьяне всего 12 из 90 губерний Российской империи в течение двух неурожайных лет, – в 1905 и 1906 годах, – истратили на водку «сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в местах других сражений» [5].

Историко-правовая ретроспектива изучения различных форм социального поведения не должна приводить к позиции, что в досоветской российской деревне господствовало отношение к алкоголю как весьма распространенному средству досуга и в повседневной бытовой культуре. Сохранилось немало авторитетных свидетельств о том, что вне праздника крестьяне обычно не злоупотребляли спиртным. Так, в 1913 г. Д.Н. Воронов утверждал: «Что деревенское потребление определяется главным образом обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитою личною склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах – доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пищи, так и алкоголиков, привычных и запойных» [6]. О том же с

уверенностью писал признанный бытописатель дореволюционной деревни А.Н. Энгельгардт: «между мужиками отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками между мужиками не видел» [7].

Специальная комиссия при Обществе охраны народного здоровья в Российской империи, занимавшаяся изучением проблемы алкоголизма, констатировала в начале XX в., что основными потребителями водки выступали горожане, а не сельские жители. По данным комиссии, если в деревне ежегодно на взрослого мужчину приходилось $1\frac{1}{5}$ ведра хлебного вина (то есть, водки), то в обычном городе – 4 ведра, а в столицах – и вовсе 7 ведер [8].

Источниковедческий анализ позволяет утверждать, что пьянство, сопровождавший крестьянский досуг российской деревни являлось асоциальным феноменом, но при этом не выходящим из рамок повседневной поведенческой культуры. Большевики стали рассматривать алкоголь как одно из наследий царского режима, как формы эксплуатации населения. Борьба с алкоголем в советской идеологической системе заняла место рядом с антиклерикальной задачей избавления российского общества и крестьянства как преобладающей его части, от пагубной зависимости. В проектируемом партийно-советским руководством социалистическом обществе «не должно было остаться места таким пережиткам «проклятого прошлого», как пьянство и тем более алкоголизм» [9]. Казалось бы, условия благоприятствовали замыслам. Ведь, еще в годы Первой мировой войны в России был введен «сухой закон»; тем самым, царское правительство заложило мощный фундамент под антиалкогольные инициативы советской власти. Однако, запреты на употребление горячительных напитков не действовали ни в досоветской, ни в советской России, так как население в кратчайшие сроки изыскало обходные пути. Уровень алкоголизма в 1920-х гг., – как в городах, так и в деревнях Советской России и Советского Союза, – был не ниже дореволюционных показателей и, по некоторым данным, даже превысил их, что стало одним из проявлений характерных для «эпохи перемен» деструктивных тенденций.

В 1920-х гг. самогонварение буквально захлестнуло Советскую Республику. Причем, такое «чертово изобретение» [10], как самогон, в рассматриваемый период получило наибольшее распространение именно в деревне, так как здесь для него наличествовали самые благоприятные условия: относительно слабый административный контроль и наличие постоянно обновляемых запасов зерна.

Самогонные аппараты, необходимые для изготовления вожделенного зелья, крестьяне мастерили сами либо заказывали таковые деревенским умельцам. В одном из литературных произведений 1920-х гг. нехитрое приспособление для изготовления горячительного зелья описывалось следующим образом: «аппарат, сделанный знакомым «паялой» из листового железа, похожий на самовар, поставлен был дном на кирпичи, сложенные в виде маленькой печурки, в которой был жар, нагревавший аппарат, а сама самогонка капала из вставленной в трубку соломинки прямо в бутылку» [11].

Такого рода специально изготовленных аппаратов в советской доколхозной деревне, в том числе и южно-российской, было более чем достаточно. В многочисленных источниках с печальным постоянством сообщается, что в различных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя «самогонщиков немногим менее, нежели жителей» [12], что «почти все граждане занимаются варкой» этого зелья, вследствие чего, проезжая через такие заповедники самогонварения, «чувствуешь, что и на улице стоит сильный запах от самогона» [13].

Разумеется, расцвет самогонварения в доколхозной деревне объяснялся не только слабым контролем властей и наличием сырья, но и спросом со стороны сельского населения. В деревне эпохи нэпа, пережившей тяжелейшие военно-революционные испытания, наблюдавшей крушение существовавшего веками уклада жизни и нервно реагировавшей на социальную и налоговую политику большевиков, создались идеальные условия для различных форм девиаций. В той или иной мере, пило подавляющее большинство сельского населения, вне зависимости от возраста, профессии, имущественных и социальных различий. Источники полны категоричных свидетельств о том, что «самогон и водка окутывают деревню смрадным туманом» [14], что здесь «замечается увеличение пьянства» [15], что старики и молодежь «пьют зверски» [16].

Кстати, нельзя не согласиться с И.Б. Орловым в том, что «специфической чертой деревенского пьянства эпохи НЭПа явилось раннее приобщение к алкоголю молодежи как следствие бурного развития самогонварения в деревне» [17]. Действительно, современники констатировали «наличие пьянства» [18] среди молодых крестьян, указывая: «молодежь в деревне темная. По воскресным дням больше пьяная бывает» [19]. Следует лишь добавить, что причиной ширившегося алкоголизма среди молодых жителей села стала не только доступность самодельных горячительных напитков, но и аномия общественного сознания вследствие грандиозных социальных потрясений и радикальных преобразований традиционного крестьянского жизненного уклада.

Взросшие размеры пьянства в постреволюционной деревне сопровождалась, разумеется, и увеличением расходов на самогон и водку, также появившуюся в продаже. Еще в досоветские времена представители российской общественности справедливо утверждали, что, «если бы деньги, которые крестьяне расходовали в праздники на алкоголь, они употребили бы на улучшение своего хозяйства, они привели бы российское сельское хозяйство в цветущий вид» [20]. Такого же рода мнения отражены и в советской прессе. В частности, в январе 1929 г. корреспондент газеты «Молот» З. Лерт писала, что казаки расположенной под Новочеркасском станицы Грушевской в течение предыдущего года потратили на вышивку 34 956 руб. и еще 21 тыс. руб. потратили на оплату услуг священников. В то же время, по самообложению [21] казаки сдали всего лишь 8 284 руб. 24 коп. (эта статистика была получена Лерт от местных школьников, проводивших соответствующее исследование). Лерт констатировала, что на пропитые и отнесенные попам деньги жители Грушевской могли бы купить как минимум 10 тракторов, плюс две молотилки, прокатный пункт, да еще одежду для бедняцких детей и т.д. Увы, все эти выгодные приобретения исчезли в пьяном угаре. Напротив, на значительно меньшую сумму, собранную по самообложению, была построена школа в хуторе Камышеваха, достроена еще одна школа в другом населенном пункте, создана и оборудована ветеринарная амбулатория, построено и починено несколько мостов, куплено семенного зерна на 1 500 рублей [22].

Самогонварение и пьянство, распространявшиеся в селах и городах СССР, серьезно беспокоили представителей власти и советской общественности, заставляя их принимать соответствующие меры. В данном случае, следует различать собственно антиалкогольные мероприятия и действия по борьбе с самогонварением, так как в 1920-х гг. здесь наблюдалась довольно двусмысленная ситуация.

Наиболее последовательно и бескомпромиссно проводилась «борьба с самогонщиной» [23], поскольку варка самогона сокращала запасы хлеба в деревне и, следовательно, затрудняла реализацию государственной налогово-заготовительной политики. Против самогонщиков применялись, как административные и уголовные меры, так и методы общественного воздействия.

Согласно статье 140 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., за самогонварение и хранение алкоголя без цели сбыта предусматривался крупный штраф (от которого милиции полагались премиальные отчисления, что должно было стимулировать активность правоохранителей в борьбе с самогонщиками). За те же деяния, но еще и повлекшие за собой продажу спиртосодержащей продукции, законом было установлено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 1 года с конфискацией части имущества, а для рецидивистов – на срок не менее 3 лет с конфискацией всего имущества. При конфискации, в первую очередь, изымался самогонный аппарат.

Все перечисленные меры борьбы с самогонварением и установленные законом наказания применялись в селах и станицах Юга России неоднократно. Так, 4 октября 1922 г. Черкасский окружной исполком разослал всем станичным и волостным исполкомам циркуляр, в котором приказывал «строго следить за самогонщиками», наказывая их в первый раз штрафом в размере от 1 тыс. до 25 тыс. руб., во второй раз, привлекая к суду [24]. Нередко над самогонщиками устраивались открытые судебные процессы, дабы продемонстрировать всем мощь советского правосудия и неотвратимость наказания для действующих и потенциальных изготовителей спиртного. В частности, в марте 1926 г. на 1-м госруднике города Шахты прошло «громкое дело (показательный процесс) 13 самогонщиков, систематически спаивавших рабочих и ближайшее к руднику население самогоном» [25]. Поскольку самогонщики, торговавшие своей продукцией, приравнивались

к спекулянтам, еще одной мерой воздействия на них являлось лишение избирательных прав. Например, в списке «лишенцев» по станице Ольгинской за 1921 г. значились два самогонщика [26].

В целях активизации борьбы с самогонованием на Юге России, как и в других регионах страны, проводились специальные кампании. Такая кампания стартовала в Северо-Кавказском крае в начале 1928 г. и, уже к февралю того же года, дала следующие результаты: было оштрафовано 1 589 самогонщиков на общую сумму 20 663 руб. (суммы штрафов получались не такие уж и большие – всего примерно по 13 руб. на брата), отправлено на принудительные работы 164 чел., привлечено к уголовной ответственности 166 злостных самогонщиков, конфисковано 653 самогонных аппарата и 17 896 литров самогона. Кроме того, в рамках кампании был объявлен «трехдневник добровольной сдачи самогона», в ходе которого в крае было сдано 213 аппаратов и 54 литра самогона: как видим, население не очень охотно поддержало инициативу властей [27].

Как ни парадоксально, наиболее эффективным средством борьбы с самогонованием стала отмена «сухого закона» и введение государственной монополии на торговлю спиртным. С декабря 1924 г. в СССР началась продажа 30-градусной водки, с октября следующего года была введена казенная винная монополия.

Поступление в продажу изготовленной на госпредприятиях водки не привело к полному исчезновению самогонования. Прежде всего, цена казенной алкогольной продукции не всегда была ниже, чем стоимость самогона; к тому же, как справедливо заметил К.Б. Литвак, «наличие в хозяйстве самогонного аппарата делало бессмысленной покупку водки» (впрочем, по его же словам, «возможность такая появлялась только при известном недостатке сырья – хлеба. Если же его не хватало, то алкоголь приобретал заметное место в деревенском товарообороте» [28]). Иной раз, водка вообще не поступала в деревню, где ее не очень охотно брали, а распродалась в городах [29].

Отсюда, разноречивость содержащихся в источниках оценок государственной винной монополии как средства борьбы с самогонованием. Одни очевидцы утверждали, что после появления водки в свободной продаже «самогон пошел на убыль», [30] другие же, напротив, били тревогу по поводу «все более прогрессирующего и все более углубляющегося развития самогонования» [31]. Бесспорно, однако, что во второй половине 1920-х гг. масштабы изготовления и потребления самогона в советской деревне (в том числе, в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья) были меньше, чем в начальные годы того же десятилетия.

Результаты

Вместе с тем, заметив масштабы самогонования путем целенаправленного введения государственной винной монополии, большевики не ослабили, а, наоборот, усилили остроту проблемы алкоголизации сельского (да и, городского) населения. Неважно, что пили жители деревни, – самогон собственного изготовления или купленную в кооперативной лавке водку; главное, что они продолжали употреблять алкоголь. Следовательно, замыслы идеологов компартии о полном искоренении пьянства не были воплощены в жизнь, причем не по вине каких-либо «врагов» (о чем так любили частенько трезвонить большевистские пропагандисты), а вследствие внутренней экономической политики самих лидеров ВКП(б).

Советская государственная правоохранительная система и общественность концентрировали свои усилия не только на противодействии самогоноварению, но и боролись с алкоголизмом. Использовались методы пропаганды и агитации. Устраивались разного рода лекции и выступления, в ходе которых сельским жителям доказывалась очевидная истина вреда алкоголизма и полезности культурных методов проведения досуга. Предпринимались многочисленные попытки «усилить культработу» [32] в деревне, развивать физкультуру как способ отвлечения крестьян «от вредных уклонов и привычек (пьянство, излишество и проч.)» [33].

Заключение

Государственная политика оказывалась мало эффективной, так как соседствовала с увеличением выпуска продукции государственных винных заводов: в 1940 г. производство спирта в СССР вдвое превышало показатели 1913 г. [34-37] В итоге, алкоголь и

обусловленные им социальные девиации занимали прочные позиции в сфере досуга советского (донского, кубанского, ставропольского) крестьянства в 1920-х гг., что стало проявлением последствий социальных потрясений послереволюционного времени. Как мы видим, социальная политика молодого советского государства проходила первые этапы своего становления, находилась в поисках методов и средств работы с социальными девиациями той повседневности крестьянского досуга, которые развились в годы гражданской войны, при этом ее цели, расходились с потребностями экономики в пополнении финансовых средств на проведение социальной модернизации общества.

Примечания:

1. Доклад А.А. Сольца на собрании юнкоры газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г. // Молодой ленинец. 1926. 28 апреля.
2. Андреева Е.В. Жестокий путь. Изд. 2-е. Л., 1974. С. 144.
3. Райт-Ковалева Р.Я. Роберт Бернс. М., 1965. С. 32.
4. Запорожский Т. Максим // Красная нива. 1925. № 8. С. 173.
5. Миронов Б. Причины русских революций // Родина. 2009. № 11. С. 19.
6. Цит. по: Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 75.
7. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 32.
8. Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74.
9. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 151.
10. РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 39.
11. Подъячев С. Стихийное бедствие // Красная нива. 1925. № 6. С. 122.
12. Явич А. Выборы в сельсовет // Красная нива. 1925. № 12. С. 277.
13. РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 495.
14. Советская деревня должна быть культурной, здоровой и чистой! // Крестьянская газета. 1928. 13 октября.
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 95, без нумерации.
16. Батрак. Задушенный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.
17. Орлов И.Б. Советская повседневность... С. 171.
18. Работу в деревне надо увязать с задачами социалистического строительства // Молодой ленинец. 1926. 3 марта.
19. Миша О. Никому нет дела до культурной работы // Молодой ленинец. 1925. 26 сентября.
20. Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 64.
21. Самообложение – один из налогов в 1920-х – 1930-х гг., часть средств от сбора которого должна была направляться на решение местных задач.
22. Лерт З. В голубых домах // Молот. 1929. 6 января.
23. ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 25, л. 1.
24. ГА РО, ф. р-2716, оп. 1, д. 1, л. 46.
25. 13 самогонщиков перед судом // Молот. 1926. 27 марта.
26. ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 2, л. 22, 22об.
27. Первые итоги борьбы с самогонованием // Молот. 1928. 8 февраля.
28. Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 82.
29. Как отмечали советские журналисты, «все количество водочных изделий Госспирта, получаемое местными кооперативными организациями на весь район, расходовалось исключительно в городе», так что для продвижения водки в деревню потребовалось вмешательство властей (На борьбу с самогоном // Молот. 1925. 17 ноября).
30. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 62.
31. ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 9, л. 24.
32. Культурники, ау! // Молот. 1925. 13 ноября.
33. Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

34. Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 86.
35. Зайцев А.М., Мамадалиев А.М. Черноморская губерния в начале XX века: к вопросу о деятельности органов внутренних дел // Русская старина. 2010. № 2 (2). С. 16-18.
36. Черкасов А., Меньковский В. Правовое регулирование питейного дела в России в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) // Научный журнал Власть и общество (История, теория, практика). 2011. Т. 2. № 18. С. 56-67.
37. Ratushnyak V.N., Ratushnyak T.V. The Kuban Police in the Struggle against Crime in 1860–1917 // Вестник полиции. 2014, Vol.(1), № 1, pp. 5-15.

References:

1. Doklad A.A. Solca na sobranii junkorov gazety «Molodoj leninec» 24 aprelja 1926 g. // Molodoj leninec. 1926. 28 aprelja.
2. Andreeva E.V. Zhestokij put'. Izd. 2-e. L., 1974. S. 144.
3. Rajt-Kovaleva R.Ja. Robert Berns. M., 1965. S. 32.
4. Zaporozhskij T. Maksim // Krasnaja niva. 1925. № 8. S. 173.
5. Mironov B. Prichiny russkih revoljucij // Rodina. 2009. № 11. S. 19.
6. Cit. po: Litvak K.B. Samogonovarenie i potreblenie alkoholja v rossijskoj derevne 1920-h godov // Otechestvennaja istorija. 1992. № 4. S. 75.
7. Jengel'gardt A.N. Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887. SPb., 1999. S. 32.
8. Litvak K.B. Samogonovarenie i potreblenie alkoholja v rossijskoj derevne 1920-h godov // Otechestvennaja istorija. 1992. № 4. S. 74.
9. Orlov I.B. Sovetskaja povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija. M., 2008. S. 151.
10. RGAJe, f. 396, op. 3, d. 576, l. 39.
11. Podjachev S. Stihijnoe bedstvie // Krasnaja niva. 1925. № 6. S. 122.
12. Javich A. Vybory v sel'sovet // Krasnaja niva. 1925. № 12. S. 277.
13. RGAJe, f. 396, op. 3, d. 795, l. 495.
14. Sovetskaja derevnja dolzhna byt' kul'turnoj, zdorovoj i chistoj! // Krest'janskaja gazeta. 1928. 13 oktjabrja.
15. RGASPI, f. 17, op. 86, d. 95, bez numeracii.
16. Batrak. Zadushennyj hutor // Krest'janskaja gazeta. 1928. 30 nojabrja.
17. Orlov I.B. Sovetskaja povsednevnost'... S. 171.
18. Rabotu v derevne nado uvjazat' s zadachami socialisticheskogo stroitel'stva // Molodoj leninec. 1926. 3 marta.
19. Misha O. Nikomu net dela do kul'turnoj raboty // Molodoj leninec. 1925. 26 sentjabrja.
20. Mironov B. Vremja – den'gi ili prazdnik? Trudovaja jetika rossijskih krest'jan // Rodina. 2001. № 10. S. 64.
21. Samooblozhenie – odin iz nalogov v 1920-h – 1930-h gg., chast' sredstv ot sbora kotorogo dolzhna byla napravljat'sja na reshenie mestnyh zadach.
22. Lert Z. V golubyh domah // Molot. 1929. 6 janvarja.
23. CDNI RO, f. 97, op. 1, d. 25, l. 1.
24. GA RO, f. r-2716, op. 1, d. 1, l. 46.
25. 13 samogonshhikov pered sudom // Molot. 1926. 27 marta.
26. GA RO, f. r-1198, op. 1, d. 2, l. 22, 22ob.
27. Pervye itogi bor'by s samogonovarenijem // Molot. 1928. 8 fevralja.
28. Litvak K.B. Samogonovarenie i potreblenie alkoholja v rossijskoj derevne 1920-h godov // Otechestvennaja istorija. 1992. № 4. S. 82.
29. Kak otmechali sovetskie zhurnalisty, «vse kolichestvo vodochnyh izdelij Gosspirta, poluchaemoe mestnymi kooperativnymi organizacijami na ves' rajon, rashodovalos' iskljuchitel'no v gorode», tak chto dlja prodvizhenija vodki v derevnju potrebovalos' vmeshatel'stvo vlastej (Na bor'bu s samogonom // Molot. 1925. 17 nojabrja).
30. CDNI RO, f. 5, op. 1, d. 70, l. 62.
31. CDNI RO, f. 36, op. 1, d. 9, l. 24.
32. Kul'turniki, au! // Molot. 1925. 13 nojabrja.
33. Zhabo V. Fizkul'ture prinadlezhit bol'shoe budushhee // Molot. 1925. 11 nojabrja.

34. Litvak K.B. Samogonovarenie i potreblenie alkogolja v rossijskoj derevne 1920-h godov // Otechestvennaja istorija. 1992. № 4. S. 86.

35. Zaitsev A.M., Mamadaliev A.M. Chernomorskaya guberniya v nachale XX veka: k voprosu o deyatelnosti organov vnutrennikh del // Russkaya starina. 2010. № 2 (2). S. 16-18.

36. Cherkasov A., Men'kovskii V. Pravovoe regulirovanie piteinogo dela v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914-1917 gg.) // Nauchnyi zhurnal Vlast' i obshchetsvo (Istoriya, teoriya, praktika). 2011. T. 2. № 18. S. 56-67.

37. Ratushnyak V.N., Ratushnyak T.V. The Kuban Police in the Struggle against Crime in 1860–1917 // Vestnik policii. 2014, Vol.(1), № 1, pp. 5-15.

УДК 34

Социальные девиации в повседневной культуре 1920-х годов на юге России: историко-правовой аспект

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. Повседневная культура различных социальных слоев общества в периоды революционных преобразований не всегда становится объектом научно-исследовательских изысканий. А ведь столкновение традиционных культурных парадигм с идеологическими установками революционных программ вызывают всплеск роста девиантного поведения в обществе. Историко-правовая ретроспектива позволяет на примере 1920-х годов проследить проблему развития асоциального поведения в крестьянской среде, где наиболее был силен фактор сохранения традиционных устоев общества и более сложно прививалась новая советская антирелигиозная культура.

Ключевые слова: социальная девиация; делинкветное поведение; повседневность; традиционная культура; алкоголизм; преступность.